

УДК 167

МОДЕЛЬ «СЕТИ ОБЩЕНИЯ» ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

А.А. Серых

ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

Раскрывается модель «сети общения» отечественных историков конца XIX – начала XX в. На примере коммуникативных практик историков раскрываются особенности горизонтальных и вертикальных коммуникативных связей в рамках отечественного научного сообщества. Отдельно рассматривается вопрос о влиянии, форме и значении межпоколенческого и внутривнутрипоколенческого взаимодействия.

Ключевые слова: *сеть общения, коммуникация, поколение, учитель, ученик, научная школа.*

В настоящее время в рамках науковедения происходит формирования нового проблемного поля, которое включает в себя актуальные исследовательские вопросы, находящиеся в междисциплинарной сфере. Поэтому все чаще становится востребованной такая смысловая категория, как «сеть общения». По мнению Л.П. Репиной, среди многообразных условий интеллектуального творчества структура и функционирование формальных и неформальных интеллектуальных сообществ занимает важное место, так как речь идет о взаимодействии субъектов, которое охватывает разные ее аспекты: контакты, основанные на общих интересах, обмен информацией и культурным капиталом, использование организационных ресурсов, обсуждение, заимствование и распространение идей, взаимная поддержка, создание интеллектуальных репутаций (см. подр.: [1]). Изучению проблемы сетей личных связей историков посвящены работы В.П. Корзун, А.В. Свешникова, К.Б. Умбрашко (см.: [2–4]). Несколько направлений в исследованиях коммуникативных связей историков, сложившихся в современной науке выделяет М.А. Мамонтова [5], отмечая тенденцию изучения коммуникативных сетей историков как определенных сообществ в рамках научных школ. По мнению исследователя, одно из направлений историографии изучает связи «сети общения» историка с его внутренним миром, который формируется в определенных условиях и имеет характерные для данного научного сообщества черты и стереотипы поведения. Еще одно направление рассматривает межличностных коммуникаций в рамках научной полемики, которая как целостное явление «имеет свою предысторию, боковые линии, кульминацию, последующие тексты, переписку, реплики “сочувствующих” или свидетелей» [5, с. 16].

В настоящее время в философии науки сложилось несколько подходов к определению термина «научная школа». В рамках философско-социологического подхода возможно выделение нескольких типов «научной школы». Первый тип «школы» не подразумевает какой-либо социальной организации, существует только «общая идея», не имеющая материальной основы. Следует отметить и другой, прямо противоположный тип школы, который Р. Коллинз называет «формально организованной школы». В данном случае школа представляет собой «место, где проходит обучение, – а руководство и собственность переходят к следующим поколениям через открытую преемственность» [6, с. 98]. Отличительным признаком еще одного типа школы, по мнению Р. Коллинза, является интеллектуальное влияние среди ее субъектов. При этом Р. Коллинз отмечает, что «интеллектуальное влияние важно, но оно не объясняет причины того, почему лишь немногие из тех, кто мог прочесть или услышать о какой-либо идее, приобретают интеллектуальную значимость» [там же, с. 97]. При этом процесс «влияния» всегда подразумевает регресс, в котором идеи мыслителя возможно рассматривать как результат влияния предыдущего поколения интеллектуалов. Р. Коллинз полностью не отрицает существования «влияния» старшего поколения интеллектуалов на последующие, более того, исследователь подчеркивает, что основной источник «влияния» – межличностные отношения: «Главным каналом являются личные контакты при встрече лицом к лицу». Определение личных контактов как одной из первооснов существования интеллектуального сообщества позволяет Р. Коллинзу выделить следующий тип школы, который «характеризуется тем, что включает цепи личных отношений, среди которых наиболее важными являются отношения между учителями и учениками; наряду с этими вертикальными связями имеют место и горизонтальные личные контакты между представителями одного поколения» [там же, с. 98]. Следовательно, мы можем рассматривать научную школу как сеть межличностных отношений, включающих в себя как вертикальные связи (учитель – ученик), так и горизонтальные.

В отечественной науке сложилось несколько точек зрения на проблему эволюции исторической школы русских историков в конце XIX – начала XX в. Ряд исследователей (А.Н. Цамутали, В.С. Брачев, В.А. Муравьев) отмечают сближение двух школ на рубеже XIX и XX столетия, указывая на расширение межличностных связей между представителями этих школ. В свою очередь, С.В. Чирков акцентирует внимание на возникновении в рамках петербургской школы двух новых школ А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова, но при этом исследователь отмечает, что указанные школы объединяло общее противопоставление московской исторической школе (см. подр.: [7]). Следует отметить, что противопоставление Московской и Петербургской историче-

ских школ являлось важным фактором самоидентификации субъектов исторического сообщества конца XIX – начала XX в. Историк, определяя себя как представителя одной из школ, проводил границу «свой – чужой». Сам факт такой самоидентификации – это одна из основных коммуникативных характеристик научной школы. Поэтому принадлежность к школе воспринимается как определенная корпоративная ценность. П.Н. Милюков в исследовании, посвященном С.Ф. Платонову и А.А. Кизеветтеру, отмечал: «Достаточно взглянуть на их портреты, чтобы сразу заметить петербургский и московский отпечаток... Платонов, с точки зрения москвича, что называется, «столичная штучка». Для него, в известных обстоятельствах жизни, слово – серебро, а молчание – золото. Напротив, Кизеветтер... так весь и просится наружу» [8, с. 489]. Впоследствии такая биполярность оказывает влияние на формирование как личных, так и научных коммуникаций историка. Следует отметить, что, по мнению Р. Коллинза, «контакты с оппонентами производят такой же, если не более сильный, эффект эмоционального побуждения к творчеству, как и контакты с единомышленниками... интеллектуалов, как бы «тянет» к своим оппонентам. Они, словно магниты, выискивают друг друга и притягиваются противоположными полюсами» [6, с. 104]. Кроме того, межличностные контакты «по горизонтали» являются особо значимыми, т. к. часто они предшествуют последующим творческим результатам.

Характер и масштаб межличностных связей зависит также и от авторитета историка, так как более интенсивные коммуникационные связи будут у более продуктивного ученого. Соответственно, чем выше степень значимости историка, тем шире становится его «сеть общения». Например, «учениками» В.О. Ключевского назвали себя как историки, которые были лично с ним знакомы и начинали свою исследовательскую деятельность под его руководством, так и последующие поколения историков, которые знакомы с ученым только через его работы. Поэтому мы можем представить школу В.О. Ключевского как самостоятельную социальную группу со своей ступенчатой структурой. При этом ядро школы будет составлять первый круг учеников Ключевского: П.Н. Милюков, М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер и Ю.В. Готье. Кроме ядра школы, можно выделить второй круг учеников, или «периферию» (М.Н. Покровский, А.И. Яковлев, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, В.А. Рязановский, М.Н. Карпович и В.Г. Вернадский). Таким образом, можно отметить, что коммуникационная сеть В.О. Ключевского «по вертикали» включает в себя сразу несколько поколений «учеников» историка. Важно, что сам Василий Осипович являлся учеником выдающихся историков старшего поколения. Это позволяет не только построить систему «вертикальных» коммуникаций по нисходящей линии «учитель – ученик», но и смоделировать систему межличностных коммуникаций в обратном направлении, по восходящей линии «ученик – учитель» и показать связь

В.О. Ключевского со старшим поколением историков. Однако Р. Коллинз отмечает, что «структура интеллектуального мира в каждый период времени позволяет привлечь к себе большое внимание лишь ограниченному числу индивидов. Число ячеек, которые могут быть заполнены, мало и, как только эти ячейки заполняются, каждый, кто стремится “пробиться” к высшим позициям, сталкивается с мощным противодействием» [6, с. 105]. В результате помимо ядра коммуникационной «сети» формируется и периферия интеллектуальных сетей, исследование которой не менее значимо. В конце XIX – начала XX в. «распространение» научных идей происходило в первую очередь через систему лекционных и семинарских занятий, но впоследствии лишь немногие из тех, кто прослушал, например, курс лекций В.О. Ключевского, оставались в структуре интеллектуальных сетей.

Интеллектуальное сообщество конца XIX – начала XX в. представляет собой обширную сеть межличностных контактов в рамках одного поколения, т. е. в «горизонтальной плоскости». Социологи определяют возраст одного поколения примерно в тридцать три года, но это лишь формальное определение. И. Кон отмечает, что для определения поколения важным являются не только хронологические рамки, но и «духовная общность людей, которые выросли в одно и то же время и чей жизненный идеал сформировался под влиянием одних и тех же исторических событий... Речь идет не просто о современниках, а о людях, связанных общностью главных детских и юношеских переживаний, которая порождает общий тип восприятия и шире – тип личности...» [9, с. 257]. В каждый период развития культуры возраст поколения различен. По мнению Т.С. Злотниковой в российской культуре конца XIX – начала XX в. «поколение “помещается” во временные рамки даже меньшие, чем 30 лет: время сгущается, прессует человеческую жизнь, некоторые из поколений умирают, не прожив и полувека...» [10, с. 69]. Важно, что самоидентификация интеллектуала может не соответствовать тому поколению, к которому его относят исследователи по формальным признакам. Важным фактором идентификации историка является «ощущение времени», именно поэтому самоидентификация историка связана с индивидуальными «местами памяти». Ими могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и эти значения могут меняться. В рамках каждого поколения формируются индивидуальные места памяти, которые связаны с событиями или процессами, повлиявшими на формирование как отдельной личности историка, так и целого поколения. Например, для поколения В.О. Ключевского местом па-

мяти является Крымская война 1853–1856 гг. В дневниковых записях 1868 г. историк отмечает: «Поколение людей, переживающих теперь третий десяток своей жизни, должно хорошенько вдуматься в свое прошлое... мы начали помнить себя среди глубокого затишья, когда никто ни о чем не думал серьезно и никто ничего не говорил нам серьезного. Затем последовали военные бури; с ними совпали первые минуты нашей сознательной жизни... Восточная война, падение Севастополя, Парижский мир – таковы были первые полученные нами самые свежие и сильные впечатления исторической жизни России...» [11, с. 244]. Следует отметить, что на формирование мировоззрения В.О. Ключевского повлияла не сама Крымская война как событие истории России, а ее восприятие. Именно впечатления о Крымской войне были одними из самых эмоциональных, поэтому они были одним из факторов, повлиявших на формирование мировоззрения и самоидентификации историка.

Для поколения учеников В.О. Ключевского самоидентификация связана с иными местами памяти. Молодое поколение историков, которое формируется в новом общественно-историческом контексте, стремится выразить свою позицию относительно происходящих процессов. Важно, что различное отношение к общественным процессам конца XIX в. позволяет выделить ряд микрогрупп в рамках одного поколения. Например, П.Н. Милюков родился в 1859 г., а С.Ф. Платонов в 1860 г. Формально историков можно отнести к одному поколению, но их самоидентификация отличается. Так, С.Ф. Платонов отмечает: «А как противны мне все эти наши общественные вопросы! Положительно я отстал лет на тридцать родиться. Чувствую, что я не общественный деятель, а просто по возможности честный человек. В делах внутренней политики я посторонний зритель...» [12]. Тем самым историк идентифицирует себя с поколением своих учителей, В.О. Ключевский родился в 1841 г. Напротив, П.Н. Милюков идентифицировал себя с поколением «семидесятников»: «За нами, “семидесятниками”, уже стучалось в двери истории поколение “девяностников” – декадентов и символистов...» [13, с. 153]. Идентифицируя себя с «семидесятниками», П.Н. Милюков противопоставлял себя «восьмидесятикам», по мнению историка, «это были “непротивленцы” по Толстому, устроители культурных “скитов”, проповедники “малых дел”, дезертиры политики, укрывшиеся под знаменем аполитизма, вернувшиеся к проповеди религии и личной морали. С ними я вел борьбу...» [там же]. В свою очередь А.А. Кизеветтер, который младше П.Н. Милюкова на семь лет (родился в 1866 г., формально историков можно отнести к одному поколению), высказывал иное отношение к поколению «восьмидесятников»: «Типичный студент-восьмидесятник не был индифферентен к общественным вопросам и вовсе не был чужд сознанию гражданского долга... В этом поколении студенческой молодежи... решительно преобладало убеждение в том, что революционные экс-

цессы не создают переломов в жизни государства, а являются лишь следствием уже назревшей перестановки государственно-общественных настроений в стране...» [14, с. 125]. Общественная позиция «восьмидесятников» была близка А.А. Кизеветтеру, поэтому в воспоминаниях историк отмечал что, «кончая университетские курсы, мы не мечтали стать революционными героями; нас манила к себе легальная общественная деятельность...» [там же, с. 126].

В рамках одного поколения также возможна самоидентификация, связанная с неформальными объединениям, «кружками» историков. Так, С.Ф. Платонов вспоминает о «Кружке русских историков»: «В устойчивом научном настроении, с тонким чутьем русского прошлого, с любовью к этому прошлому, мои новые друзья были весьма различными людьми, но они умели взаимно признавать и щадить личные особенности каждого и не пытались гнуть друг друга непременно на свою статью. В этом было их отличие от других известных мне кружков; это меня к ним и привязывало» (цит. по: [15, с. 225]). П.Н. Милюков в воспоминаниях отмечает существование в Петербурге двух кружков историков, важно что «тот, кто общался с первым, тем самым исключался из другого» [13, с. 163], но П.Н. Милюков был вхож в оба кружка: «...мое положение между двух лагерей мне самому казалось несколько странным; но москвичу прощалось то, чего нельзя было простить петербуржцу» [там же, с. 164].

Самоидентификация каждого субъекта интеллектуального сообщества индивидуальна, но вместе с тем, модель идентификации историка построена на противопоставлении сформировавшихся микрогрупп «внутри» одного поколения. В результате, в рамках поколения возможно проведение «внутренних границ», которые находят отражение в «сети общения» историка. Вместе с тем «внутренние границы» остаются актуальными, только в рамках одного поколения. В свою очередь, в научной сфере, в рамках взаимодействия нескольких поколений указанные границы «стираются», но появляются иные, которые позволяют историкам идентифицировать себя как учеников старшего поколения историков. Так, П.Н. Милюков, в одной из работ, посвященных А.А. Кизеветтеру, отмечал: «Семь лет разницы в годах (он родился в 1866 г.) не могли, конечно, проложить между нами резкой хронологической грани. Нас объединяло, прежде всего, преклонение перед общим нашим учителем В.О. Ключевским, талант и знания которого нам представлялись недосягаемыми вершинами» [16, с. 495]. Таким образом, граница между «семи-десятником» и «восьмидесятником» перестает быть актуальной, но появляется новая граница между «учителем» В.О. Ключевским и «учениками» П.Н. Милюковым и А.А. Кизеветтером.

Границы между поколениями историков, как и анализ характера коммуникационных связей историков между собой, позволяют построить модель «сети общения» научного сообщества отечественных истори-

ков конца XIX – начала XX в. Важно, что формулируемая модель получается объемной и предполагает связи как «вертикальные» так и «горизонтальные», которые в одинаковой степени оказывают влияние на процесс создания и главного сохранения и передачи нового научного знания.

Список литературы

1. Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Материалы науч. конф. «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе». М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 89–92.
2. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. Омск; Екатеринбург, 2000. 226 с.
3. Свешников А.В. Кризис науки на поведенческом уровне // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. С. 75–95.
4. Умбрашко К.Б. Poleмики русских историков XIX в. как коммуникативные события // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. С. 21–43.
5. Мамонтова М.А. Антропологические поиски современной отечественной историографии // Мир историка. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 6–21.
6. Коллинз Р. Сети сквозь поколения: почему личные связи философов важны для их творчества // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 90–114.
7. Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М.: Наука, 1990. С. 19–27.
8. Милюков П.Н. Два русских историка // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. С. 486–505.
9. Кон И. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.
10. Злотникова Т.С. Время «Ч» (Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887–2007). Ярославль: ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2007. 259 с.
11. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 528 с.
12. ОР РНБ. Ф. 585 (Фонд С.Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 1221. Л. 7.
13. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 445 с.
14. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 гг. М.: Искусство, 1996. 359 с.

15. Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М.: Наука, 1990. 257 с.
16. Миллюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. 483 с.

**THE «COMMUNICATION NETWORK» MODEL BETWEEN
RUSSIAN HISTORIANS OF THE LATE XIX-TH - EARLY XX-TH
CENTURY**

A.A. Serykh

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The article examines the «communication network» model between the Russian historians of the late XIX – early XX centuries. The historians' communicative practices are used as an example revealing the peculiarities of horizontal and vertical communication within the Russian scholarly community. The issues of the inter- and intra-generational interaction influence, form and meaning of are analyzed separately.

Keywords: *communication network, communication, generation, teacher, student, scholarly community.*

Об авторе:

СЕРЫХ Анна Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: serykha@gmail.ru

Author information:

SERYKH Anna Alexandrovna – Ph.D. (History), Senior lecturer of the Department of Humanities and social Sciences of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: Serykha@gmail.ru